

АНДРЕЙ ЖОЛДАК: «У каждого человека свой ярлык»

АЛЕКСАНДРА МАШУКОВА

неблизко к теме - 2004 - 12.01.05 - с. 5.

– Вы сказали, что сорок процентов от задуманного не вошли в спектакль «Гольдони. Венеция». Но, быть может, эти 40% вовсе не пропали, а отложились в «подкорке» спектакля?

– Да, думаю, что они зашифрованы в спектакле. Станиславский в последний период жизни любил репетировать большие куски, которые потом специально убирал, актер играл следующую сцену, но в ней оставался след, воспоминание о тексте, который изъяли. След – это хорошо. «Гольдони» шел сначала шесть часов, потом я сократил его до трех. И думаю, память об этих трех часах в спектакле осталась.

– Вы работали одновременно над Гольдони и Тургеневым, не мешали ли эти постановки друг другу?

– Мне нравится одновременно выпускать две работы, чтобы они рождались на контрасте или один спектакль перетекал в другой. И если в «Гольдони» все до предела за-

медлено, там я старался не ориентироваться на публику и делать тот ритм, который хочу, то в спектакле по Тургеневу я отдавал дань современной скорости, скорости воздействия на зрителя. Это должно быть как современное кино.

– Вы пересматриваете свои старые постановки?

– К сожалению, я смотрю свой спектакль столько раз, сколько он идет. К сожалению – потому что это тяжело. Но иначе я не могу. Когда немцы узнали, что я всегда сижу в зале, то были поражены. По их мнению, режиссер должен присутствовать на спектакле 10 минут, потом выпить рюмочку коньяка и уехать, оставив все на ассистента. Я сижу в зале не один, вместе с художником, и потом мы все анализируем, подчищаем. Поэтому японский продюсер, который недавно смотрел в Харькове моего «Гамлета» (причем смотрел его в четвертый раз!), был удивлен, что спектакль так хорошо шел. А нам не важно – кто приехал. Каждый раз мы стараемся играть по максимуму. Поэто-

му и актеры сейчас в хорошей форме.

– В российской и украинской прессе вас часто упрекают в том, что вы подражаете звездам режиссуры – в первую очередь знаменитому Роберту Уилсону. Как вы на это реагируете?

– Раньше меня это очень раздражало. Но сейчас наш театр много гастролирует, я начал ставить за границей, и пошла мировая пресса. В Европе больше знают Уилсона, чем мы, – наверное, у них более объективный взгляд. Я специально спрашивал профессиональных людей, говорил, что в России меня обвиняют в подражательстве Уилсону. Они меня разубедили. А сейчас на Западе стали писать обо мне, что появился украинский Касторф, то есть они тоже пытаются меня загнать в какое-то клише. Но это нормальный процесс: существуют известные, любимые имена, и когда появляется новый человек, то непременно надо его как-то определить, придумать ярлык. Думаю – все именно от этого. Но мне кажется, я двигаюсь каким-то своим путем.